

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С. В. Полехов

ЛЕТОПИСНАЯ «ПОВЕСТЬ О ПОДОЛЬЕ»¹

В составе трех летописных сводов Великого княжества Литовского² (далее — ВКЛ) сохранился текст, в котором излагается история Подолья — исторического региона на территории современной Украины к северу от Днестра — с середины XIV по первую треть XV в. В науке его принято называть «Повестью о Подолье», хотя заголовок «О Подольской земле» появляется лишь в некоторых списках Второго летописного свода ВКЛ, а в рукописях Первого свода он отсутствует. Как ни странно, этот небольшой текст (в печатном виде в 17-м, 32-м и 35-м томах «Полного собрания русских летописей» он занимает в среднем одну страницу) никогда не был предметом специального исследования, несмотря на то что и истории Подолья, и истории летописания ВКЛ посвящено множество трудов. В данной статье будет рассмотрен вопрос о времени и месте создания «Повести о Подолье», ее источниках и достоверности сообщаемых ею сведений³.

Эти взаимосвязанные проблемы привлекали ученых с момента публикации «Повести». Однако на протяжении XIX и XX в. она изучалась в рамках других, более обширных сюжетов (Синеводская битва, история Подолья, история летописания ВКЛ), а задача специального источниковедческого изучения памятника не ставилась. Уже первый публикатор летописи ВКЛ Игнатий Данилович справедливо отметил, что «Повесть» была создана после смерти Витовта с целью доказать права Литвы на Подолье в споре с Польшей⁴. В дальнейшем большинство ученых вслед за И. Даниловичем приняло датировку памятника началом 30-х годов XV в., тогда как польский историк Антоний Прохаска отнес его к середине того же столетия (1449—1451 г.) [Prochaska, 1890, s. 52—55]⁵. Создание «Повести» связывалось, как правило, с великокняжеской канцелярией [Prochaska, 1890, особенно с. 24—32, 36, 51—55; Чамярыцкі,

¹ В основу статьи положено выступление на конференции «Центрально-Восточная Европа во времена Синеводской битвы» (Каунас, 24—26 мая 2012 г.). Автор благодарит всех коллег, принявших участие в обсуждении его тезисов и предоставивших труднодоступную литературу, в особенности С. Г. Бочарова, К. Гудмантаса, А. И. Грушу, Я. Тенговского, В. В. Фёдорова, Б. В. Черкаса

² В разных историографических традициях эти летописные произведения называются по-разному — литовскими, западнорусскими, русско-литовскими, белорусско-литовскими. Во избежание анахронизмов, неудачных конструкций и двусмысленности здесь и далее они именуются Первым, Вторым и Третьим летописными сводами Великого княжества Литовского.

³ Историографические произведения XVI—XVII в., авторы которых (М. Кромер, М. Стрыйковский и др.) пользовались «Повестью о Подолье» как источником, в статье не рассматриваются.

⁴ *Latopisiec Litwy i kronika ruska*. Wilno, 1827. S. 8, 9, 14—16.

⁵ Януш Куртыка датирует серединой XV в. «Летописец великих князей литовских» в целом, к которому, очевидно, относит и «Повесть о Подолье» [Kuryka, s. 98, 117, 125].

с. 97–101; Шабульдо, с. 59–61]. Иногда допускалось наличие у автора «Повести» неких оригинальных документов, которые легли в основу повествования [Prochaska, 1890, s. 31; Чамярыцкі, с. 97–101; Шабульдо, с. 59]. Оценка достоверности сведений, изложенных в «Повести», диктовалась не только знанием независимых источников по истории Подолья и результатами их критики, но и политическими воззрениями того или иного ученого. Так, мысль о тенденциозном и недостоверном характере «Повести» наиболее последовательно провел А. Прохаска, видевший в этом региона лишь «лен Короны» (Польши) [Prochaska, 1890; Prochaska, 1895]⁶. Другие же, хотя и признавали пролитовскую тенденцию, не отмечали, в чем именно она проявлялась, считали «Повесть» в целом достоверным произведением (см., например: [Smolka, s. 25–26; Грушевський, 1993, с. 79–81, 87–88, 91–94, 171–172, 456–457; Batūra, с. 258–262]); если же автор изложил тот или иной сюжет неправильно, то не намеренно, а из-за нехватки источников. Интерес к памятнику создавал объективные предпосылки для его специального изучения, однако они не были реализованы в достаточной мере, в частности, из-за разобщенности сюжетов и национальных историографических традиций⁷. В последнее время на «Повесть» вновь стали обращать внимание в контексте истории Подолья [Kurtyka; Tęgowski, 1997; Tęgowski, 1999; Tęgowski, 2004] и летописания ВКЛ [Gudavičius; Nikodem, s. 151–152, 165–166; Лицкевич, 2012, с. 31–32; Лицкевич, 2013]. С другой стороны, даже среди историков, обращающихся к истории Подолья, продолжает существовать некритичный подход к «Повести»: ее сообщения изначально рассматриваются как достоверные, а списки — как равноправные (см., например: [Trajdos, s. 117–119, 121–122, 125–128; Кузьмин, с. 721–724; Кобаль, с. 76–77]).

В виде, наиболее близком к первоначальному, «Повесть о Подолье» сохранилась в двух списках Первого летописного свода ВКЛ — Слуцком (Уваровском) и Супрасльском. Ф. П. Сушицкий отметил близость к ним рассказа о Подолье в единственном известном на тот момент списке Третьего летописного свода ВКЛ (по названию этого списка и сам свод именуется также «Хроникой Быховца») [Сушицкий, с. 305–308, 310–311; ср.: Batūra, p. 61, 258–262]. Супрасльская и Слуцкая рукописи — древнейшие, в которых сохранился текст «Повести»: первая была переписана 8 октября 1519 г., вторая же была создана между 1498 и 1542 г. и отразила Новую редакцию Первого летописного свода ВКЛ, возникшую в конце XV — начале XVI в. [Чамярыцкі, с. 125–126]⁸. Поскольку эти списки содержат ряд разночтений, необходимо определить, какие из чтений точнее передают первоначальный вид «Повести». Важнейшие смысловые разночтения двух древнейших списков представлены в таблице ниже; они сопоставлены с чтениями «Хроники Быховца», поскольку ее автор пользовался Первым летописным сводом ВКЛ. В тех случаях, когда сопоставление текстов позволяет установить чтения, более близкие к первоначальным, они выделены полужирным шрифтом (пунктуация, принятая в изданиях, в ряде случаев изменена по смыслу текста).

⁶ Украинский историк М. С. Грушевский, полемизировавший с пропольскими взглядами на историю «Украины-Руси», счел общие выводы А. Прохаски недоказанными (см. в особенности: [Грушевський, 1896, с. 8–14]).

⁷ Так, знаменитая работа Стефана Марии Кучиньского о Синеводской битве, впервые вышедшая в 1935 г. [Kuczyński, s. 147–151, 157, 159–160, 169–170], в плане анализа данных «Повести» представляет собой шаг назад по сравнению с книгой Феоктиста Сушицкого о летописании ВКЛ, появившейся несколькими годами ранее [Сушицкий, с. 305–311].

⁸ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 5–7. Нижняя хронологическая граница создания Слуцкой рукописи определяется упоминанием в перечне великих князей Дмитрия Ивановича, внука Ивана III (коронован в 1498 г., отстранен от власти в 1502 г. (Там же. С. 79)), верхняя — записью о смерти князя Юрия Семеновича Слуцкого, сделанной на нижнем поле. По водяным знакам Н. Н. Улащик датировал рукопись временем около 1524 г.

Супрасльский список (ПСРЛ. Т. 35. С. 66–67)	Слудкий список (ПСРЛ. Т. 35. С. 74–75)	Список Быховца (ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. Стб. 139–140)
А то си три брaты, татарскыа князи...	А тыи трии брaты Татарское земли...	...a tyie try braty u Orde panowali...
Ино тыи княжыа Корьятевечи три брaты: князь Юрьи а князь Александр, князь Костентин и князь Федор* со князя великого Олгирдивым презволением и с помочию Литовския земли пошли в Подолскую землю. И тогды в Подолской земли не был ни один город ни деревом рубленого, а ни каменем будованого.	Ино тыи княжата Кориятовичи 3 брата со князя великого Олгирдовым прозволением и с помочию Литовской земли не был ни один город ни деревом рубленыи, а ни каменем будованныи.	Ino tyie kniazata Korjatowiczy, try braty, z dozwozeniem welikoho kniazia Olgierda, diady swojeiho, y s pomoczyiu litowskoiu poszli w Podolskiju zemlu. A w tot czas w Podolskoy zemli ne byl ni odyn horod ni derewom rublenny, ni kamenem budowany.
И тогды тые княжыа Корятовичи пришли в Подолскую землю от татар, и боскакомъ выхода не почали давати.	Тогда тыи княжата Корьятовичи, пришед в Подольскую землю, и вошли у приязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю от татарь и боскаком выхода не почали давати.	Tohdy tyie kniazata, przyszodzy w Podolskuiu zemlu, y wozhli wo przyiazń so atamany y poczali boronity Podolskuiu zemlu od tatar, y bayskakom wychoda poczali ne dawaty.
И на первое нашли собѣ твержю на рецѣ на Смотричи...	И напервей нашли собе твержю на реце на Смотричи, тут пак собе нарядили город Смотрич...	Nayperwey naszli sobie twerzju na rece na Smotryczy, y tut sobi naradyli horod Smotrycz.
...а ис того вси подолски города умуровали...	...а с того вси города полоцкия умуровали...	...a z toho wsi horody podolskija podelali...
И затымь полскы король Казимир Локотковичь**, што их три брaты Корятовичи на Подольской земли, а люди мужьныи...	И затымь польский король Казимир Локотковичь, што их 3 брaты Корьятовичи на Подольской земли, а люди мужны...	A zatym korol polski Kazimir Łokietkowicz dowiedalsia , szto ich try braty Korjatowiczy na Podolskoy zemli ludy silnyi...
А умыслив тое собѣ и своими паны...	А умыслив тое собе и со всеми паны...	... a wymyslił toie sobi zo wsimi pany...
...захотель за него дочку дати.	...и хотел за него дочку дати, а по своемъ животе королемь осадити.	...chotiaczy za neho doczku daty, a po swoim żywote korolom osadyty.

...и опять на тых же листѣх отехал до Подольской земли и на своем господарстве умерл.	...и опять на тыхъ же листехъ отехал до Подольском земли, до своего господарства. И туто буда на Подольской земли, на своемъ господарствѣ, умерль.	...y opiat na tych że glejtech odiechał z Polskoie zemli do swoieho gospodarstwa, y tam na Podolu умер.
А здѣ братъ четвертыи, князь Федор Корятовичъ, Новгородок держал.	Азде брат их 4, князь Феодоръ Корятовичъ, Новгород держаль.	A brat ich czetwerty, kniaź Fedor Korjatowicz, w Litwe Nowhorodok derzał.
...и он, шед во Подолскую землю, засел Подолскую землю.	...и он, шедъ, Подольскую землю засель.	...a on szedzy y Podolskiuiu zemlu zasel.
...князь великий Витовт господаремъ стал...	...князь Витовть господаремъ сталь...	–
...как же пред тым послушна была.	...как же и передъ тымъ послушна не была.	–
И воеводу князя Федора, што на тых городех, на имя Нестиса, вынел...	И воеводу князя Феодорова, што ж на тых городехъ, на имя Нестака, вынял...	...y wojewodu kniazia Fedorowa, szto na tych horodech był, na imia Nestana, poymał...
А добыл литовскими силами...	А то было добыто литовьскими силами...	–
...и тогда пана Спытка убили татарове...	...и тогда пана Спытка убили татарове на томъ бои...	–
...а города опять побери за себе.	...а города побери за себе.	–
И князь великий послал королю сорок тысяччи...	И князь великий послалъ королю 40 тысяччи пенезеи...	–
...а под паномъ Петром дал пану Дидикгоилду.	...а под Петром даль пану Дедикголду...	–
...самого иняли и ограбили, и Каменец засѣли, и все тое забрали, што Подольской земли держать.	...самого иняли и ограбили, што Пойдольское земли держать.	–

* Здесь вместо трех братьев названы четыре и заложено внутреннее противоречие, касающееся датировки прибытия Федора Корятовича на Подолье. По-видимому, эта описка возникла еще на этапе работы автора «Повести».

** В издании Н. Н. Улащикова далее явно ошибочная конъектура «[узнал]» (ПСРЛ. Т. 35. С. 66, 74). Ср. чтение «Хроники Быховца», приведенное в таблице.

Со времен А. А. Шахматова принято считать, что «Повесть о Подолье» в Супрасльской рукописи обрывается и дошла до нас в неполном виде. Но, во-первых, сама Супрасльская рукопись не дает никаких оснований для такого утверждения. «Повесть» кончается на л. 108, на котором записаны лишь 15 неполных строк (вместо 19, как на других листах), а ниже оставлено свободное место. Уже на обороте того же листа начинается предисловие к русскому переводу Вислицкого статута польского короля Казимира III Великого⁹, то есть кодикологических признаков «обрыва» нет. Во-вторых, в том же объеме «Повесть» отразилась в списках всех трех летописных сводов ВКЛ, а значит, именно в таком виде она бытовала по крайней мере в 10–20-е годы XVI в., когда были переписаны Супрасльская и, возможно, Слуцкая рукописи с Первым летописным сводом ВКЛ и когда создавались Второй и Третий своды. В-третьих, гипотеза о несохранившемся окончании «Повести» попросту избыточна, поскольку и в том виде, в каком она дошла до нас, «Повесть» представляет собой законченное произведение [Batūra, p. 259].

В начале XVI в. был создан Второй летописный свод ВКЛ, и в нем «Повесть о Подолье» претерпела существенные изменения. Очевидно, сводчик пользовался такой рукописью, в которой «Повесть о Подолье» помещена после описания встречи Витовта с Василием I в 1396 г. в Смоленске (как в Супрасльском списке). Поскольку сводчик стремился сделать повествование более связным, он неудачно «интегрировал» «Повесть» в летописный текст, поместив Ольгерда в эпоху Витовта. Первоначальный этап изменений отразился в списке Красинского (по-видимому, середины — второй половины XVI в.; не сохранился¹⁰), который наиболее близок к Слуцкому [Чамярыцкі, с. 137; Petrauskas, 1995, p. 113], Патриаршем списке (Синодальном, середины — второй половины XVII в.¹¹) и Ольшевском списке (1550 г.¹²): рассказ о Подолье помещен между событиями 1396 и 1399 г., так что одновременно действуют «князь вѣликий Витовт» и «князь вѣликий Ольгирд»; названо место битвы — «на Синей Водѣ»¹³. В языковом плане списки Красинского и Патриарший близки к протографу, хотя и подверглись модернизации, тогда как в Ольшевском списке язык претерпел очень сильную полонизацию, что объясняется личностью заказчика кодекса — виленского архидиакона Юзефа Ясиньского. В целом во Второй свод перешли верные чтения, отмеченные выше, но текст подвергся стилистической правке с целью сделать повествование более сжатым. Из-за этого в некоторых местах изменился смысл текста. Так, было опущено упоминание о баскаках, и получилось, что три татарских «князя» сами приезжали к атаманам и брали у них дань. Добавилось уточнение о местонахождении Бакоты на р. Смотриче. Был сильно сокращен рассказ о поездке Константина Кориатовича к Казимиру Великому: последний из польского короля стал «угорским», был опущен рассказ о сватовстве Константина к дочери Казимира, и получилось, что Константин умер, находясь у короля. К рассказу о Федоре Кориатовиче добавилось замечание, что в Литве он держал не только Новогрудок, но и «к тому еще Гомей» (в «Хронике Быховца», автор которой пользовался Первым сводом, о Гомеле ничего не говорится)¹⁴. Сообщая о занятии Подолья Федором Кориатовичем, сводчик пояснил, что он «засел» его «к Литве» «з литовским войском». Было уточнено время занятия Каменца Витовтом — «порану». «Пенези», в которых рассчитывались

⁹ Архив Санкт-Петербургского Института Истории РАН. Ф. 115. Ед. хр. 143. Л. 108–108 об. По нумерации XIX в. это страницы 211 и 212 (ПСРЛ. Т. 35. С. 5; Smolka, s. 6, 8). О русских переводах Вислицкого статута в Супрасльском сборнике см.: [Bardach, s. 342–350] (там же указана литература).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 35. С. 10–11.

¹¹ Памятники Куликовского цикла. М., 1998. С. 95–96 (текст В. А. Кучкина).

¹² Первый Литовский статут. Т. 1. Ч. 1: Палеографический и текстологический анализ списков / Подг. С. Лазутка, Э. Гудавичюс. Вильнюс, 1983. С. 124–146.

¹³ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 170–173; Т. 35. С. 138–139, 186–187 (цитата на с. 138).

¹⁴ Возможно, это как-то связано с тем, что в 1500–1535 г. Гомель принадлежал Русскому государству [Темушев].

между собой Витовт и Ягайло, были заменены на копы грошей, а сумма 40 тысяч, заплаченная Витовтом за Западное Подолье, — на 20 тысяч. Претерпела изменения судьба Довгирда: если в Первом своде поляки его грабят и арестовывают, то во Втором — грабят и убивают (что не соответствует действительности, поскольку он умер лишь около 1443 г. [Petrauskas, 2003, p. 224–225]). В Ольшевском списке появляется черта, в дальнейшем присутствующая в списках Рачинского (конца XVI в.), Румянцевском, Евреиновском (по-видимому, оба — конца XVII в.) и Тихонравова (1636 г.)¹⁵: слова о Витовтовом завоевании Подолья «литовскими силами» вкладываются в уста Ягайла¹⁶. В Румянцевском и Евреиновском списках¹⁷ (и, по-видимому, в списке Тихонравова¹⁸), отразивших следующие этапы редактирования Второго летописного свода ВКЛ, место битвы уже не называется, но «интеграция» действия в эпоху Витовта все еще носит механический характер, поскольку оно начинается с победы над татарами князя Ольгерда, без всякой прямой отсылки к эпохе Витовта. Кроме того, в Евреиновском списке опущено окончание «Повести», рассказывающее о занятии Западного Подолья поляками. Близкая версия «Повести», по-видимому, читалась в списке Археологического общества (конец XVI в.), где сохранилось лишь ее начало, аналогичное началу в Румянцевском и Евреиновском списках¹⁹. Наконец, в списке Рачинского редактор попытался заменить Ольгерда на Витовта, но сделал это непоследовательно: получилось, что Витовт совершает поход против трех татарских «князей» и поимает Кориатовичам утвердиться на Подолье, но Кориат назван «брат князя Ольгирдов»²⁰.

Автор Третьего летописного свода ВКЛ («Хроники Быховца») вернулся к тому варианту «Повести», который читается в списках Первого свода²¹. В списке, опубликованном Теодором Нарбутом и перепечатанном в 17-м и 32-м томах «Полного собрания русских летописей» (его нынешнее местонахождение неизвестно, предположительно он датируется XVIII в., хотя есть и другие версии [Улащик, с. 71–72]), рассказ датирован 1351 г. Недавно литовский исследователь Кястутис Гудмантас обнаружил в 1-м (вавельском) отделении Национального архива в Кракове отрывок «Хроники Быховца», переписанный в 70–80-е годы XVI в.²², что окончательно опровергает точку зрения скептиков, считавших ее фальсификатом Т. Нарбута. В Вавельском отрывке вместо даты читаются слова «И потом...», отсутствует и дата смерти Ольгерда. Становится очевидным, что дата 1351 г. появилась не в первоначальном тексте «Хроники», а в процессе ее бытования, возможно, была приписана на полях. Все повествование вплоть до изгнания Федора Кориатовича помещено в рамки правления Ольгерда, так что отбирает Подолье у Федора тоже Ольгерд. После этого следует оригинальный рассказ о том, как

¹⁵ ПСРЛ. Т. 35. С. 10–11; [Розанов, с. 21, 30].

¹⁶ РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 408. Л. 334 об.; [Gudavičius, p. 40].

¹⁷ ПСРЛ. Т. 35. С. 207–208, 228–229.

¹⁸ В целом этот список близок к Румянцевскому. Рассказ о Подолье в списке Тихонравова читается в дефектном виде: пропущено его начало (подольский сюжет начинается с просьбы Ягайла передать ему Подолье, то есть фактически соответствует разделу Румянцевского списка, озаглавленному «О полском король Яргоиль, как просил Подолья»), во втором обращении Ягайла к Витовту отсутствует собственно предложение вернуть Подолье в обмен на деньги, имеются и описки (Дмитрий Васильевич вместо луцкого назван московским боярином). Вместе с тем список Тихонравова восходит к несколько более исправному списку, чем Румянцевский, поскольку в нем, в отличие от последнего, при перечислении подольских старост не пропущен Петр Монтигирдович (см.: РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 408. Л. 334 об. — 335).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 8–9, 102.

²⁰ Там же. С. 160–161.

²¹ ПСРЛ. Т. 32. С. 139. Ср.: [Флоря, с. 137].

²² Вавельский отрывок, в отличие от текста «Хроники», опубликованного Т. Нарбутом, переписан кириллицей, начинается с середины рассказа о заговоре против Явнута и кончается рассказом о походе Витовта и Скиргайла в Витебск против взбунтовавшегося Свидригайла. Подробную его характеристику см.: [Gudmantas]. Приношу искреннюю благодарность К. Гудмантасу, сообщившему мне о находке Вавельского отрывка еще до публикации его текста и исследования.

Ольгерд дал Каменец в держание своему боярину Гаштольту Гаштольтовичу, который вскоре ради женитьбы на дочери польского пана Бучацкого крестился по католическому обряду и стал первым католиком в Литве. Возникновение этого рассказа объясняется тем, что заказчиком Третьего свода был виленский воевода и канцлер (с 1522 г.) Альберт Гаштольд, всячески подчеркивавший заслуги своего рода перед Литовским государством и его правителями [Флоря; Jasas; Gudavičius; Gudavičius, Lazutka]. Возможно, его дружеские отношения с влиятельным подольским родом Бучацких, с которыми у Гаштольда был один герб — «Авданец», завязались еще в годы службы при литовском дворе великого князя Александра (1492—1506 г.), который в 1501 г. занял и польский престол [Petrauskas, 2009, p. 70—71].

Чтобы определить, когда было создано произведение, необходимо вкратце напомнить историю Подолья до 1430 г., событиями которого завершается «Повесть», и ход польско-литовского конфликта из-за этого региона. Как отметил исследователь его истории Я. Куртыка, земли Поднестровья и Побужья, из которых впоследствии сложилось Подолье, поздно попали на страницы исторических источников. Территория между Днестром на юге и водоразделом Южного Буга и рек бассейна Припяти на севере окончательно оформилась в будущее Подолье примерно во второй трети XIV в., когда в этом регионе утвердились братья Кориатовичи — сыновья литовского князя Кориата Гедиминовича. Сохраняя в своих руках власть на Подолье вплоть до конца XIV в., они достаточно рано принесли вассальную присягу польскому королю Казимиру III Великому (1333—1370 г.), а после его смерти — его преемнику Людовику I Венгерскому (1342—1382 г.). И хотя Кориатовичи при этом сохраняли определенные связи со своей династией, о чем свидетельствует участие Бориса Кориатовича в переговорах о заключении польско-литовской унии в 1385 г., вскоре последние из братьев — Федор и Василий — были изгнаны Витовтом из их владений. Восточная часть Подолья с г. Брацлавом и Винницей осталась в руках Витовта, а западную его часть с центром в Каменце польский король Владислав II Ягайло передал краковскому воеводе Спытку Мельштынскому, а после его гибели в битве на Ворскле в 1399 г. — своему брату Свидригайлу Ольгердовичу. После его отъезда в Тевтонский орден Западным Подольем несколько лет управляли старосты польского короля, пока тот в 1411 г. не передал его в пожизненное владение Витовту. Лишь его смерть 27 октября 1430 г. положила конец его усилиям, направленным на утверждение собственной власти в Западном Подолье [Kurtyka, s. 91—128; Михайловский, с. XI—XV, 28—107].

«Повесть» завершается упоминанием об аресте поляками подольского старосты Довгирда и занятии ими Каменца и других замков Западного Подолья. Эти события произошли, когда на юге ВКЛ узнали о смерти Витовта. Значит, «Повесть» была создана не ранее ноября 1430 г., а скорее несколько позже: по замечанию автора, поляки «до сего дня держат» захваченное — так имело смысл писать спустя некоторое время после захвата. Достигнутое вскоре соглашение Свидригайла и Ягайла о временном (до 15 августа 1431 г.) возвращении Западного Подолья Литве выполнено не было. Проблему не решило ни Чарторыйское перемирие, завершившее Лудскую войну 1431 г. [Kurtyka, s. 128—132, 141—142], ни запланированный на 2 февраля 1432 г. несостоявшийся съезд двух монархов и их советников²³. Вскоре польские правящие круги предприняли новую попытку переговоров, в том числе и о Подолье: послы, прибывшие в конце мая 1432 г. в Гродно, где тогда находился Свидригайло, от имени короля потребовали Подолья. По-видимому, речь шла об окончательном признании его принадлежности Польше, поскольку предварительно это было сделано в Чарторыйском перемирии, заключенном на срок до 24 июня

²³ Специально к этому съезду была подготовлена нотариальная копия документа Ягайла 1394 г. о передаче Витовту Каменца [Tęgowski, 1997, s. 174—176].

1433 г. В ответ Свидригайло заявил, что Подолье исстари принадлежит Литве, а не Польше²⁴. Проблема решилась лишь со свержением Свидригайла с литовского престола: занявший его Сигизмунд Кейстутович уже 15 октября 1432 г. в акте унии с Польшей официально отказался от претензий на все Подолье. И хотя в конце октября его посол к великому магистру Тевтонского ордена Георгий Бутрим еще заявлял, что уступка Подолья Польше будет иметь силу лишь в том случае, если поляки окажут Сигизмунду вооруженную помощь против Свидригайла²⁵, дальнейшего развития эти претензии не получили: Сигизмунд сосредоточил свои силы на борьбе со Свидригайлом, а поляки прочно закрепились в Западном Подолье с центром в Каменце, где не позже 1433 г. началось введение польского права и администрации [Kurtyka, с. 131 и след.].

Спор о принадлежности Западного Подолья возобновился после того, как великий князь литовский Казимир Ягеллончик занял польский престол в 1447 г. На этот раз полемика шла в основном на съездах польских и литовских вельмож. На съезде в Люблине в мае 1448 г. литовские послы требовали вернуть Подолье и некоторые близлежащие замки, ссылаясь на то, что им владел Витовт, а после его смерти оно было захвачено. На это поляки ответили, что всем известно, что Подолье отвоевал у татар Казимир Великий, построивший там множество замков. После его смерти Подольем непрерывно владели польские короли, передавая его в лен разным лицам. Если Владислав Ягайло на какое-то время великодушно пожаловал Подолье Витовту, то это не означает, что оно принадлежит ВКЛ, тем более что Сигизмунд Кейстутович письменно отказался от претензий на Подолье. По словам Длугоша, литовские послы не нашлись, что возразить. Те же аргументы повторил краковский епископ Збигнев Олесницкий на польско-литовских съездах в Серадзи в конце сентября — начале октября 1452 г. и в Парчове в июне 1453 г. Когда же литовский посол Начко Гинвилевич попытался возразить, что Ягайло заложил Подолье Витовту за 40 тысяч широких грошей, Збигнев ответил, что это мог сделать лишь тот, кому Подолье принадлежало²⁶. После 1453 г. стороны периодически возвращались к теме Подолья, пока этот спор не угас в 1464 г. на ближайшие сто лет [Błaszczuk, s. 865–872; Kolankowski, s. 296]²⁷.

Большинство исследователей датировали «Повесть» 1430–1432 гг. Однако приводившиеся ими аргументы — связь «историографического движения» в ВКЛ с митрополитом Герасимом, а также молчание о сражении на р. Мурахве на Подолье (конец 1432 г.) и последующих — не имеют обязательной силы: во-первых, как справедливо отметил уже Я. Якубовский [Jakubowski, s. 25–26], «Повесть» писалась где-то в Литве, а не в Смоленске, где пребывал Герасим и работали его книжники (об этом ниже), к тому же Герасим вернулся из поездки в Константинополь лишь в 1433 г.; во-вторых, события 1432 г. не переломили ситуацию на Западном Подолье в пользу ВКЛ, а значит, описывать их в середине столетия не имело смысла. Чтобы установить, когда и где была написана «Повесть о Подолье», какими источниками пользовался ее автор и какова была его творческая манера, следует проанализировать ее текст с точки зрения идейного содержания и соответствия излагаемых фактов независимым источникам.

(Продолжение в следующем номере журнала)

²⁴ Об этих переговорах сообщается в послании братаанского фогта Генриха Хольта, присутствовавшего при них, великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу от 31 мая 1432 г.: «Czum andir brochten sie vor und woren begeren von des koniges czu Polan wegen die Podolie, do antwerte der herre grosfurste: “Nehen”, und sprach: “Die Podolie gehort nicht die krone noch is land czu Polan an, sundir von aldirds so gehoret is wff die Littawsche und nicht wff die Polnische syte”» (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung: Königsberger Archiv, Ordensbriefarchiv 6115).

²⁵ Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 55. S. 80; Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung: Königsberger Archiv, Ordensfoliant 14. S. 705–706.

²⁶ Подробнее см.: [Błaszczuk, s. 812–849] (там же указана историография).

²⁷ Ср. малоизвестную попытку польской стороны, предпринятую не ранее 1462 г., «удревнить» принадлежность Подолья Польше до XII в. [Węcowski, s. 136–142].

Литература

- Грушевський М.С. [Рец.:] Prochaska A. Podole lennem Korony (1352–1430) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 13. Львів, 1896. Біблпографія. С. 8–14.
- Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 4. XIV–XVI віки – відносини політичні. Київ, 1993.
- Кобаль Й. Федір Корятович у світлі нових джерел // Carpatica – Карпатика. Вип. 32: Науковий збірник, присвячений світлій пам'яті педагога і вченого Томаша Сопка. Ужгород, 2005. С. 75–115.
- Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. I: Всеволож Заболоцкие, Волинские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 701–783.
- Лицкевич А. Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год). Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі «Летапісца вялікіх князеў літоўскіх» // Arche. 2012. № 3. С. 8–52.
- Лицкевич О. Достоверность фрагмента «Повести о Подолье» о предполагавшемся браке между подольским князем Константином Кориатовичем и дочерью польского короля Казимира // III Міжнародна наукова конференція «Україна і Велике князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі». 16–19 жовтня 2013 р. Кам'янець-Подільський. Тези доповідей. Київ, 2013. С. 16–19.
- Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI століття. Київ, 2012.
- Розанов С. «Кройника» 1636 року // Український науковий збірник. М., 1915. С. 21–30.
- Сушицький Ф. П. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ, 1930.
- Темущев В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.
- Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
- Флоря Б. Н. О «Летописце Быховца» // Источники и историография славянского Средневековья. М., 1967. С. 135–144.
- Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.
- Шабуньдо Ф. М. Наративні джерела й перші дослідники про похід Ольгерда на Сині Води і Білобережжя // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). № 1. Київ, 2000. С. 57–74.
- Шахматов А. А. О Супрасльском списке Западнорусской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 13. СПб., 1901. С. 3–15.
- Bardach J. O przekładach ruskich polskich statutów ziemskich XIV i początku XV w. dla Wielkiego Księstwa Litewskiego i Chełmszczyzny // Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Białystok; Warszawa, 1970. S. 319–350.
- Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą. Nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenių. Vilnius, 1975.
- Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. T. 2: Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań, 2007.
- Gudavičius E. Žinutės apie Žalgirį atsirašė Bychovco kronikoje aplinkybės // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 2010. T. 26. P. 22–58.
- Gudavičius E., Lazutka S. Albertas Goštautas ir Lietuvos istoriografija // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 2009. T. 24. P. 195–201.
- Gudmantas K. Lietuvos metraščio Vavelio nuorašas (fragmentas) // Senoji Lietuvos literatūra. Vilnius, 2012. T. 34. P. 121–151.
- Jakubowski J. Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa, 1912.
- Jasas R. Bychovco kronika ir jos kilmė // Lietuvos metraštis. Bychovco kronika. Vilnius, 1971. P. 8–38.
- Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1: 1377–1499. Warszawa, 1930.
- Kuczyński S. M. Sine Wody. Rzecz o wyprawie Olgardowej 1362 r. // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965. S. 135–180.
- Kurtyka J. Podole w średniowieczu i okresie nowożytnym: obrotowe przedmurze na pograniczu cywilizacji // Kurtyka J. Podole w czasach jagiellońskich. Kraków, 2011. S. 91–160.

- Nikodem J.* Wiarygodność *Latopisu wielkich książąt litewskich* // *Antyk, prawda i fałsz w Średniowieczu. Materiały Seminariów Mediewistycznych im. Alicji Karłowskiej-Kamzowej.* Poznań, 2011. S. 151–166.
- Petrauskas R.* Tautinė ir istorinė savimonė XVI a. pradžios Lietuvos metraščiuose // *Metai.* 1995. № 11. P. 111–121.
- Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius, 2003.
- Petrauskas R.* Lenkijos – Lietuvos unija ir lenkų – lietuvių diduomenės ryšiai: realios unijos link // *Lietuvių – lenkų santykiai amžių tekmeje: Istorinė atmintis. Stosunki polsko-litewskie na przestrzeni wieków: Pamięć historyczna.* Vilnius, 2009. P. 60–75.
- Prochaska A.* *Latopis litewski. Rozbiór krytyczny.* Lwów, 1890.
- Prochaska A.* Podole lennem Korony (1352–1430) // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Ser. 2. T. 7. (Ogólnego zbioru t. 32.)* Kraków, 1895. S. 256–279.
- Smolka S.* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa litewsko-ruskiego. Rozbiór krytyczny. Kraków, 1889.
- Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // *Teki Krakowskie.* Kraków, 1997. T. 5. S. 155–176.
- Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999.
- Tęgowski J.* Między Litwą, Polską i Węgrami. Problem politycznej przynależności Podola w końcu XIV i w początkach XV wieku // *Pamiętnik Kijowski. T. 7. Polacy na Podolu.* Kijów, 2004. S. 13–23.
- Trajdos T. M.* Kościół katolicki na ziemiach Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagiełły (1386–1434). T. 1. Wrocław i in., 1983.
- Węcowski P.* Mazowsze w Koronie. Propaganda i legitymizacja władzy Kazimierza Jagiellończyka na Mazowszu. Kraków, 2004.